

С.В. Соколовский

Институты и практики

производства и воспроизводства этничности

Социальный конструктивизм в России, если рассматривать его в приложении к исследованиям многообразных проявлений этнического, даже в своих лучших образцах никогда не был последовательным. Его сторонники то и дело соскальзывают в словари, натурализующие и реифицирующие этническую реальность¹, и дело здесь не только в продолжающемся влиянии публикаций об этносах, в которых последние провозглашаются «древнейшими человеческими сообществами», «социальными организациями», «продуктом географической среды и энергии космоса», «эндогамными сообществами» и т.д., хотя вне такого влияния само использование терминологии, наработанной в различных концептуализациях этнического советского периода было бы вряд ли возможным. Влияет сама, если воспользоваться старым термином Дюркгейма, постсоветская «социальная морфология», унаследовавшая большинство институтов и практик воспроизводства этнической реальности от предшествующих периодов. В соответствии с основным утверждением нового институционализма, не только субъекты за счет повторяющихся и рутинных практик создают социальные институты; совокупность обновляемых социальных институтов творит новых субъектов. Отсюда вывод: люди, сформированные в советский период под влиянием мощных государственных и общественных институтов производства этнической реальности гораздо более склонны натурализовать эту реальность и представлять ее как универсальную, чем люди, выросшие под влиянием иной институциональной среды, в которой этнической идентичности не придавалось такого большого значения, или она вовсе отсутствовала. Слабость отечественного конструктивизма заключается не только в его непоследовательности, но и в том, что за несколькими исключениями он остается умозрительным, слабо укорененным в конкретных исторических реалиях и свидетельствах повседневности. Предлагаемый очерк сложившихся в российском обществе институтов производства и воспроизводства этничности рассматривается как шаг для преодоления отмеченного недостатка.

Прежде чем я перейду к описанию истории становления этих институтов, я хочу сделать еще одно замечание, касающееся обвинения конструктивистов в отрицании существования этносов. Это обвинение имеет почву, однако его направленность представляется мне принципиально неверной. Дей-

¹ В мою задачу здесь не входит документирование таких оговорок и критика работ российских сторонников конструктивистских версий этнической реальности, однако в них то и дело появляются термины и выражения, которые никак не согласуются с собственно конструктивистскими моделями, отстаиваемыми их авторами (например, *этногенез, субстанция, природа этнического, культурный код, межэтнические отношения, этнический конфликт* и т.п.).

ствительно, в том виде, в котором этот концепт представлен в версиях Ю.В.-Бромлея, В.И. Козлова, Ю.И. Семенова, В.В. Пименова, С.А. Арутюнова, или С.Н. Широкогорова и Л.Н. Гумилева, он остается неприемлемым для конструктивистских моделей этнического, однако это не означает, что за этническими феноменами не признается статус реальности. Тезис о существовании этнического должен рассматриваться в общем философском контексте концепции, именуемой Дж. Сёрлем внешним реализмом. Ошибкой будет считать, что для позиции конструктивистов свойственно отрицание объективного существования этнических феноменов. Суть этого подхода - не в отрицании реальности, а в признании того обстоятельства, что человеческие институты существуют иначе, чем киты и деревья, или камни, вирусы и галактики. Натурализация этнического примордиалистами, попытки реифицировать этническое, придавая ему облик «организма» и наделяя этот организм специализированными «органами» - вот главное отличие натуралистического примордиализма от социального конструктивизма. В чем же специфика реальности этнического у конструктивистов? Чтобы понять это, рассмотрим сами механизмы производства этой реальности.

Краткая история становления институтов и практик натурализации этнической реальности в России. Механизмы, институты и практики, воспроизводящие институциональную среду, обеспечивающую производство и воспроизводство представлений об этнических феноменах, складывались постепенно, в течение жизни нескольких поколений. Наиболее интенсивное их создание и внедрение в социальную практику отмечается в период 1920-30-х гг., когда были заложены основы персонального и коллективного приписывания к официально признаваемым категориям этнической принадлежности.

Эволюция представлений о сути национального в российской науке и сознании политической элиты России лишь довольно условно может быть описана как самостоятельный и самодостаточный процесс, независимый от концептуальных сдвигов в мировой науке и глобальной эволюции политических систем. В особенности это касается становления самосознания русских. Складывание «русскости» проходило на фоне интенсификации контактов с Западом, то есть вряд ли началось ранее периода петровских реформ. Европа этого периода уже была Европой с национальной идеей, главными носителями которой были Англия, Нидерланды, Франция и, позднее, Германия. В России легитимность власти по-прежнему основывалась на идее божественной власти монарха и связи между монархом и его подданными; государство мыслилось как владение государя. Однако уже к 1700 году в монарших указах появляется новое толкование государства, синонимом которого становится «народ». Вплоть до 1720-х годов это толкование используется почти исключительно в сфере внешней политики, а затем практически вытесняет прежнее, и выражения типа «служение отечеству», «интересы государства», «государственное благо» входят в общий оборот и становятся обыденными. Военные успехи империи становятся источником национальной гордости и позволяют россиянам поставить Россию вровень с европейскими державами. Именно это чувство сыграет позднее свою роль в становлении и оформ-

лении идеи русского национализма. Практически все последовавшие за Петром монархи в своих манифестах о восхождении на престол уже подчеркивали «согласие народа», использовали понятия «благо отечества» и «единство государства».

Это переосмысление идеи государственности и монаршей власти еще более укрепилось в правление Екатерины II, которая полагала, что управляет не столько территорией, сколько «российским народом» и не отделяла собственных интересов от интересов государства. Ей же принадлежат первые апелляции к православной вере как национальной черте, к славе русского оружия, славянской речи. Однако если дворяне петровской эпохи гордились величием России, вставшей вровень с другими европейскими государствами, то дворяне эпохи екатерининской уже имели меньше оснований для утверждений о равенстве с Западом и были принуждены искать и изобретать эти основания. Одним из таких оснований стал русский язык, разрабатываемый и возвеличиваемый Третьяковским и Ломоносовым. Ломоносовская «Русская грамматика» 1755 года может читаться как манифест языкового национализма. Идентификация «российской нации» с национальным языком послужила своеобразным барьером на пути распространения расовых теорий, питаемых отождествлением наций с расами.

Реалии российской действительности, отсутствие в ней воплощения таких ценностей как равенство, свобода и достоинство личности, заставляли нарождающуюся российскую интеллигенцию и дворянство рассматривать Россию как страну, проигрывающую в сравнении с Западом. Осознание этого обстоятельства породило сложную реакцию в сфере национальной идеологии, где отрицание западных ценностей и утверждение российской самобытности переплелось с прозападными прогрессистскими устремлениями. Поскольку неразумность российской действительности наиболее очевидным образом не соответствовала возобладавшему в Европе эпохи Просвещения культу разума, главным объектом патриотической критики стал именно разум: «русская душа» выковывалась как антитеза «духу Просвещения»; такие ее черты как загадочность, непредсказуемость, безграничная широта возникли в оппозиции к европейским точности, расчету, определенности, законопослушности. Сконструированная таким образом душа была затем провозглашена «русским характером», а ее истоком стал считаться народ, поскольку именно он оказался ближе всего к почве и корням, не затронутым пороком рационалистической цивилизации. К началу XIX века русский национализм обрел свой заверченный облик: антирационалистическая славянская душа «воплотилась» в романтической трактовке народа, объединяемого, в полном соответствии с моделью Й. Гердера, «почвой» и «кровью». Русский патриархальный крестьянин, его характер стали восприниматься как чистые архетипические черты русского характера, «русскости» вообще. Трансформации, которым затем подвергался этот архетип, не отменили его универсальности. Это не означает, впрочем, что у маргинальных групп — старообрядцев, русских анклавов за пределами России — не возникало иных образов русскости, в которых этот архетип подвергался значительным деформациям, однако и там его существование трудно отрицать.

Эта романтическая трактовка нации питала и в свою очередь подпитывалась становящейся и развивающейся российской этнографией. Как и в Европе, российская этнография получила свой импульс развития от колониальной экспансии². Наиболее отчетливо взаимозависимость этой экспансии и этнографии демонстрирует история завоевания и освоения Сибири и Дальнего Востока. Уже в ранних военных экспедициях составлялись карты с размещением племен. В первой половине XVIII века картографирование и типология стали занятием академическим: Г. Миллер по результатам Северной экспедиции разработал языковую классификацию сибирских народов, а позднее И. Георги опубликовал четырехтомное описание всех народов Российского государства. Обращение к крестьянским патриархальным традициям породило отечественную фольклористику (Афанасьев, Даль и др.). Уже примерно к этому времени в политической практике наметилась дифференциация между обычными подданными государства (мещанством) и иноподанным населением национальных окраин. Органическое, натуралистическое понимание этнической реальности, овеществление этнических групп и наций, вообще характерное для романтических и неоромантических построений, сыграло свою роль в дальнейшей эволюции «национальной» политики и институализации различных областей исследования в рамках отечественной этнографии.

Свою роль в натурализации этнической реальности сыграла позитивистская и структуралистская в своей основе марксистская идеология, навязавшая «телесность» всем своим конструктам — классу, обществу, и, по аналогии с ними — этносу. Доминировавший в отечественной этнографии марксистский подход привел к преобладанию эволюционных трактовок социальной реальности, с их упором на изучении происхождения и формы (вечного и меняющегося в изучаемых «вещах» и «организмах»), то есть, применительно к этнографии — сосредоточению на этногенезе, этнической истории, этнической демографии и картографии, истории материальной культуры и т.п. Во всех этих направлениях господствовала примордиалистская трактовка этничности. Определения этноса в работах Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева подтверждают этот вывод. Стоит, однако, отметить, что за последние 10-15 лет значительное развитие в российских социальных науках получили также конструктивистские интерпретации этничности (работы В.А. Тишкова, В. Воронкова, О. Бредниковой, С.Н. Абашина, С.В. Чешко, А.Д. Коростелева и др.); помимо этого некоторые авторы пытаются примирить конструктивизм и примордиализм и предложить синтетические концепции, весьма эклектично объединяющие исходные допущения этих основных подходов (Б.Е. Винер, С.Е. Рыбаков, И.Ю. Заринов и др.)³. Тем не менее, реифицирующий социальную реаль-

² Здесь было бы уместно развести понятия *колонизации* и *колониализма*, опираясь на отличия российской идеологии освоения земель от западной идеологии основания заморских колоний, однако обособление такого рода различий выходит далеко за рамки статьи.

³ *Винер Б.Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998, № 4; *Тишков В.А.* О феномене этничности // ЭО. - 1997, № 3; Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. 1998, № 1; *Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994, № 6; *Колтаков Е.М.* Этнос и этничность // ЭО. 1995, № 5; *Чешко С.В.* Ответ оппонентам // ЭО. 1995, № 5; *Семенов Ю.И.* Общество, стра-

ность марксистский по своему происхождению дискурс до сих пор преобладает в мышлении большинства национальных политических элит постсоветского пространства, определяет национальную политику новых государств. Каждая «нация» самоопределяется как «священное наследие предков», как ассимилирующая и цивилизующая господствующая структура, принадлежность к которой приносит законное право распоряжения этим наследием (землей, национальной культурой и т.д.). Однако каждая из таких «наций» вынуждена считаться с наличием на «своей» территории массы «иноязычных», которые одновременно должны быть защищены, но реально подвергаются дискриминации; культура которых часто находится под опекой государства, но при этом преследуются цели воспитания в духе национально-государственных традиций метрополии. Противоречия между двумя группами населения (так называемыми «природными» гражданами и гражданами «нетитульной национальности»), сохраняются и даже углубляются после обретения независимости.

Этнизация населения и ее институциональное обеспечение. Наиболее интенсивное создание и внедрение институтов, обеспечивающих воспроизводство этничности и индоктринацию натуралистических взглядов на этническую идентичность отмечается в ранний период советской власти, в 1920-30-е гг. Большинство из работающих сегодня институциональных механизмов, делающих возможной и определяющих современную политику идентичности, было создано именно в это время. Механизмы государственной институционализации этничности тесно взаимосвязаны и включают *письменную фиксацию* этнической принадлежности и ее отражение в паспорте и других документах (актах гражданской регистрации и анкетах переписного учета); конституирование особой сферы внутренней политики, именуемой «*национальная политика*»; так называемый «*этнофедерализм*» в административном устройстве страны, предполагавший *создание национальных политических элит*; систему специальных мер и учреждений в областях образования, языка и культуры, возникновение особого корпуса правовых норм, юридических закрепляющих многие из принципов и положений провозглашаемой национальной политики; институционализацию научных дисциплин, областей и направлений исследования, поставляющих требования для государственного управления знания и концептуализации т.п. Рассмотрим некоторые из институтов, практик и областей социальной деятельности, поддерживающих и воспроизводящих этническую идентификацию у различных групп населения страны и создаваемое на ее основе натуралистическое видение этничности.

ны, народы // ЭО. 1996, № 2; *Он же*. Социально-исторические организмы, этносы, нации // ЭО. 1996, № 3; *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В.Чешко «Человек и этничность» // ЭО. 1997, № 3; *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. 1998, № 6; *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. 2000, № 2; *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. 2000, № 5; *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // ЭО. 2000, № 2, *Соколовский С.В.* Парадигмы этнологического знания // ЭО. 1994, № 2 и др.

Территориализация этничности и этнокартографирование. Пересмотр принципов учета населения, принятых в переписном инструментарии дореволюционной России, главным образом, в переписи 1897 г., был вызван, с одной стороны, желанием нового правительства полнее учесть «национальный фактор» и критикой этнографами сложившихся к тому времени подходов, с другой. Наиболее важную роль в формировании двухступенчатой процедуры учета этнической принадлежности (фиксация ответов в ходе переписи и последующая их перекодировка и сведение к заранее заданному перечню) сыграла возникшая еще при Временном правительстве Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС), в которую вошли многие члены Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России ИРГО. Между 1909 и 1915 гг. в Постоянной Комиссии ИРГО была собрана информация о языках, одежде, жилище и быте народов империи и подготовлены проекты этнографических карт. Принцип национального самоопределения, принятый на вооружение новой властью, требовал выработки более строгих и стандартизованных критериев определения национальной принадлежности. В 1919 г. КИПС информировала Наркомнац о своей картографической работе. В 1923 г. правительство объявило о намерении провести в 1925 г. первую Всесоюзную перепись населения. В марте 1923 г. несколько этнографов – членов петроградского отделения КИПС – встретились с чиновниками Наркомнаца и предложили более тесное взаимодействие. Формулирование вопросов и инструкций для будущей переписи заняло несколько лет и сопровождалось острой дискуссией между представителями различных подходов к пониманию национальности. В период 1924–26 гг. в КИПС были разработаны инструкции по регистрации национальности и составлен Список национальностей СССР. Все эти исследования, и дискуссии о принципах национального районирования и регионализации, позволили выработать новый подход, положенный в основу переписи 1926 г. и использованный затем с некоторыми модификациями во всех последующих советских переписях.

Результаты разработки принципов национального районирования и регионализации были затем неоднократно использованы при планировании и организации *территориально-административного устройства* страны и создании национальных районов, автономных округов, автономных и союзных республик, рассматриваемых как этнические территории, за доминирующими группами которых признавались особые права, в том числе и территориальные. Эта *территориализация этничности* могла осуществиться лишь на основе *этнизации индивидуальной идентичности* населения страны. Такая этнизация и индоктринация населения, в свою очередь, опиралась на особые технологии, процедуры и институты, важнейшим из которых были паспортизация населения и так называемая коренизация органов управления во вновь организуемых «национальных» административных единицах.

Паспортизация и «пятый пункт». Практика записи этнической принадлежности в паспорте начала действовать с 1932 г., когда был издан указ «Об установлении паспортной системы в СССР» и учрежден внутренний гражданский паспорт для горожан (и некоторых других категорий населения). Всеоб-

щая паспортизация населения, однако, была достигнута лишь к концу 1950-х годов⁴. «Национальность» была одной из обязательных записей в паспорте, вписываемой в специальную графу (так называемый «пятой пункт»), шедшей пятой по порядку, после фамилии, имени и отчества, даты и места рождения. Практика записывания национальности в паспорт каждому гражданину, достигшему 16 лет, по одному из родителей (а не по самоопределению), сохранялась вплоть до октября 1997 г., то есть до введения и начала выдачи новых российских паспортов, где эта графа была устранена⁵. Власти некоторых республик выступили против отмены национальной идентификации по паспорту и добились включения в общероссийский паспорт вкладыша, фиксирующего национальную принадлежность.

В советское время паспортная запись национальности часто использовалась властями для организации репрессий, ограничений в приеме на учебу и работу, либо, напротив, установления льгот и особых прав, связанных с принадлежностью к определенной категории населения, выделяемой на основе этнической принадлежности. Например, в пояснениях к циркуляру о паспорте от 2 апреля 1938 г. указывалось:

“Если родители немцы, поляки и т.д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства и друг., нельзя записывать регистрирующегося русским, белорусом и т.д. В случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как например: фамилия регистрирующегося Попандопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т.д., и если во время записи не дается установить действительную национальность регистрирующегося, — графа о национальности не заполняется до представления документальных доказательств о принадлежности регистрирующегося к той и иной национальности»⁶.

Следствия предпринятого государством персонального приписывания каждого отдельного человека к определенной категории (работники паспортных столов руководствовались утвержденным МВД перечнем официальных наименований национальностей, чтобы не заносить в главный персональный документ записей, которые считались неправильными или ошибочными) еще не вполне проанализированы и учтены в современных исследованиях институциональной среды, обеспечивающей производство и воспроизводство этничности на индивидуальном и групповом уровнях. Между тем, такое приписывание являлось важнейшей практикой, повсеместно внедрявшейся в сознание граждан особый аспект идентичности, который до распространения

⁴ До 1954 года не выдавали паспорта колхозникам и некоторым другим категориям населения, что рассматривалось как мера борьбы с миграцией из сел в города.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации».

⁶ Цит. по: Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники “Мемориала”. Выпуск 1. М., 1997. С. 36 [в цитате сохранена орфография тех лет]; О советской паспортизации см. также: Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l’identité sociale // Cahiers du Monde Russe. Vol. 38. № 7. pp. 587-600; *Idem*. Le pouvoir bolchevique face au petit peuple urbain // Thèse doctorale. Université Lumière-Lyon II, 2000. Ch. IV.

этой практики был либо незначим, либо вовсе отсутствовал у значительной части населения⁷.

Людям, прожившим всю свою сознательную жизнь с сознанием принадлежности к некоему этническому сообществу трудно представить себе, что может быть как-то иначе. Официальная националистическая история (в ее конкретных размножившихся версиях – русская, украинская, татарская, грузинская, армянская, узбекская, казахская, туркменская и т.д.) – еще один из мощных институтов упрочения примордиалистских взглядов на этничность – повествует о древних корнях, изначальности и извечности этнической идентичности, привязывая ее происхождение то к древней государственности, то к складыванию общего национального языка, или отсылая к метафоре общности исторических судеб. Взаимная работа всех производящих этот взгляд институтов и практик повседневно укрепляет и поддерживает эту идеологию, мешая разглядеть подробности ее функционирования и детали производства *сообщества*, определяемого по набору языково-культурных признаков. Внимательное рассмотрение и тщательный беспристрастный анализ исторических фактов и механизмов производства социальной реальности позволяет демистифицировать процесс нацистроительства и увидеть возможности иных концептуализаций.

Помимо индивидуального приписывания и фиксации национальной принадлежности, пятый пункт устанавливал жесткие межгрупповые границы и служил институциональной основой учреждения иных институтов и практик, превращающих категории языка и культуры в инструменты политики⁸. Важнейшими среди таких институтов и практик явились два рода деятельности советского правительства, характеризовавшие первое тридцатилетие его существования⁹ – *федерализация* государственного устройства и *коренизация* управленческой и профессиональной элит. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению необходимо проанализировать процедуры группового приписывания идентичности – переписи населения и научные классификации.

⁷ Достаточно процитировать ставший хрестоматийным пример из монографии П.И. Кушнера (Кнышева). Этнические территории и этнические границы (М.: Изд. АН СССР, 1951): «... во время переписи 1921 г. та часть крестьянского населения воеводства Восточного [...], которая была по этническому происхождению белорусами, а по религии – католиками, на вопрос о национальной принадлежности часто отвечали: ‘тутейшие’ (местные), а на вопрос о родном языке – ‘говорим по-пробсту’» (с. 48). Аналогичные ситуации в зоне украинско-русского пограничья описаны этим же автором в разделе «О методах определения национального состава населения в полосе этнических границ» (с. 70-77).

⁸ О современных коллизиях при отмене пятого пункта в новых российских паспортах, смотрите, например в: *Тишков В.А.* Прощание с пятым пунктом // *В.А. Тишков.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001. С. 88-92; *Он же.* Национальности и паспорт // Там же, с. 93-97; *Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000 (раздел 5.2.3. «Паспортный» вопрос, с. 163-167).

⁹ Основной период, получивший у западных исследователей обозначение «советской политики аффирмативных действий» (ср. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001) относится к 1920-30-м годам, однако в отдельных случаях она продолжалась вплоть до 1944 г., а статус отдельных этнотерриториальных образований менялся и в начале 1960-х гг. (Тувинская АССР).

Переписи населения и этнические классификации. Выше уже шла речь о технологиях переписи, предоставивших новые возможности для категоризации населения по этническому принципу. Официальные перечни национальностей, использовавшиеся в переписях в качестве инструмента кодировки и подсчета численности различных групп населения, никогда не совпадали с реально бытующим среди населения разнообразием самоназваний. И дело не только в том, что часть самоназваний считалась «неправильными» в силу различных соображений (не считалась именно этническими наименованиями; расценивалась как оскорбительные или неблагозвучные и т.п.), но и в самом принципе единственности этнической идентичности, невозможности официальной фиксации множественных форм этнического самосознания (иерархического, двойного и т.п.). Манипуляции списками народов, используемыми для этнической категоризации населения в ходе переписей, неоднократно выдавались за успехи социалистического строительства ¹⁰.

Распространенное мнение, что разрабатываемый учеными перечень затем используется переписчиками для занесения ответов населения в анкеты, часто тиражируемое лидерами национальных движений и журналистами, ничего не имеет общего с реальными переписными процедурами. Во всех советских переписях населения и в российских - выборочной 1994 г. и полной 2002 г. в анкеты вносились ответы переписываемых с их слов. Методические и инструктивные материалы большинства из переписей запрещали использование документов (паспортов и других удостоверений) для заполнения анкет, а также использование любых уточняющих вопросов переписчика (как в последней переписи 2002 г.), которые могли быть расценены как оказание давления на опрашиваемого. Перечни языков и национальностей всегда использовались лишь на этапе кодировки заполненных анкет, необходимом для машинного подсчета результатов переписи. В такие перечни обычно включались все *ожидаемые* ответы на вопрос «Ваша национальность?» (рассматриваемые как этнические самоназвания, этнонимы). Специальный систематический словарь представлял собой *систему группировок* всего разнообразия ожидаемых ответов в соответствии с более коротким перечнем официальных наименований, а также включал приписываемый каждому официальному названию цифровой код ¹¹.

В чем заключалась процедура группировки, сводящая все разнообразие ожидаемых ответов к официальному перечню? Здесь также существует стереотип, в соответствии с которым такая группировка осуществлялась исклю-

¹⁰ «При социализме процессы межэтнической интеграции усиливаются благодаря углублению экономических и культурных связей, отсутствия национальных и классовых антагонизмов.» (Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 69).

¹¹ Перепись 2002 г. была исключением: индивидуальные коды здесь получил каждый из вариантов самоназвания, а не только официальные. Практически все самоназвания (за исключением незначительных фонетических вариаций одного и того же названия) приведены и в одной из таблиц результатов этой переписи – «Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу 'Ваша национальная принадлежность'» (<http://www.perepis2002.ru>). В таблицу вошло 778 вариантов ответов из 879 предварительно закодированных.

чительно за счет «малых» и «непризнаваемых» в качестве самостоятельных локальных групп, отличающихся от официально признанных родственных «национальностей» по языку, религии, или каким-либо особенностям культуры, которые объединялись с последними по политическим причинам, часто вопреки желанию обладателей этих идентичностей. Такие случаи действительно были, однако правилом они не являлись, и редко составляли треть всех случаев группирования. Гораздо чаще группировке подвергались фонетические варианты одного и того же наименования (разные способы произнесения одного и того же самоназвания, встречающиеся в одной местности, или бытующие в разных ареалах расселения народа); этнонимы-дублеты (самоназвания на родном языке, на русском языке и, иногда, на языках соседствующего иноязычного населения); исторические этнонимы (бытовавшие прежде и сохраняющиеся пережиточно у отдельных людей среди старшего поколения опрашиваемых); иногда в перечень включаются звучащие по-разному единственное и множественное число одного и того же этнического самоназвания, или женский и мужской род одного и того же имени, наконец, группируются локально бытующие этнонимы, носители которых ощущают свою принадлежность к определенному народу и рассматривают свое самоназвание как местный вариант общего для всей совокупности наименования.

Чтобы не быть голословным, приведу пример группировок, которым подверглось все многообразие ожидаемых ответов на вопрос о национальной принадлежности во Всероссийской переписи населения 2002 г. В полный перечень вошло около 130 этнонимов-дублетов, то есть термин на русском языке, сопровождаемый его аналогом на родном языке опрашиваемых (например, *абхазы – апсуа; аварцы – аварал; адыгейцы – адыге* и т.д.). В некоторых случаях в словарь вошли и самоназвания, произошедшие от наименований, данных ‘соседями’ – так называемые *экзоэтнонимы*. Например, помимо основного наименования на русском языке *лакцы*, в словарь вошли используемые отдельными людьми и группами в некоторых местностях *тумал* и *яхолшу* – наименования лакцев у аварцев и лезгинов, соответственно; или вместе с официальным самоназванием *цезы* (цез) в словарь были включены также термины аварского происхождения – *цунтинцы* и грузинского – *дидойцы* (*дидо*) и т.п. К этому же классу следует отнести графические варианты, возникшие как следствие применения разных систем транслитерации при переводе терминов на местных языках – на русский (фонетическая, фонематическая, или транслитерация на основе взаимодозначного сопоставления графем русского языка с графемами из алфавита языка происхождения термина; например, *гванал, кваннал, куаннал* как варианты транслитерации самоназвания андийцев). Стандартизация транслитерации на русский язык самоназваний из 170 языков, вошедших в соответствующий перечень переписи, при учете фонетических вариаций произнесения, задача до сих пор еще далекая от решения, тем более что в перечне языков есть и бесписьменные.

Другим большим классом этнонимов, подвергшихся группировке с официальными основными самоназваниями стали вошедшие в словарь наряду с официальными наименованиями местные фонетические варианты самоназваний: *ашхаруа* и *шкарауа* у абазин; *агулар* и *агул шуй* у агулов; *мамхеги* и

махмеги у одной из подгрупп адыгейцев; *алуталь* и *элутыл'* у алюторцев и т.п. В перечне оказалось более 100 таких пар. Иногда фонетических вариантов оказывается больше, чем два (*гунзал*, *хунзалис* и *хунзал* у гунзибцев; *овен*, *овон*, *ывын*, *эбэн*, *эвен*, *эвон*, *эвын*, *эвэн*, *эвэс* – у эвенов; *вудмурт*, *одморт*, *одмурт*, *окморт*, *удморт*, *укморт*, *урморт*, *уртморт* – у удмуртов. Как уже упоминалось выше, в отдельных случаях в словарь вошли и звучащие по-разному этнонимы в единственном и множественном числе: *дарган* и *дарганти* у даргинцев; *азербайджанлы* и *азербайджанлылар* – у азербайджанцев; *нивхгу* и *нивхгун* у нивхов; *латвиетис* и *латвиеши* – у латышей и т.п., хотя такого рода случаев немного. Были включены также некоторые до сих пор бытующие исторические этнонимы: *черемис* – у марийцев, *лодь* – у вепсов, *гольд* – у нанайцев, *карагас* у тофаларов, *ламут* – у эвенов, *лопарь* – у саамов, *остяк* – у кетов, хантов и манси, *вотяк* – у удмуртов и т.д.

Сами процедуры упорядочивания этнонимов и их приведение в соответствие с более коротким рядом официальных наименований могут рассматриваться как особый механизм в институционализации этничности. Напомню, что именно перечень официальных наименований служил источником для внесения записи о «национальности» в паспорта. Наряду с укоренением идеи принадлежности каждого отдельного человека к определенной группе или категории, такое жесткое противопоставление официально признанных наименований (этнонимов, которые было можно заносить в соответствующую графу различных документов) местным вариантам, которые считались отклоняющимися от нормы, или неправильными, не могло не приводить к постепенной унификации всего внутригруппового разнообразия самоназваний и исчезновению значительной части локальных наименований. Иногда лишь старшее поколение, да антропологи помнят о прежде имевшем широкое хождение самоназвании, а сами люди перестают употреблять его в официальных ситуациях, подобных переписному опросу населения. Так, например, в группировке этнонимов под официальным названием *абазины* (соответствовавшей первой строке систематического словаря, подготовленного по заказу Госкомстата к переписи 2002 г. в Институте этнологии и антропологии РАН) были приведены считавшиеся распространенными варианты самоназваний *абаза*, *ашхаруа* (*шкараруа*), *ашхаруцы*, *тапанта*. Результаты переписи показали, что лишь 21 человек назвали себя *абаза*; 4 чел. – *ашхаруа* (*шкараруа*); 7 чел. – *ашхаруацми*; и только 2 чел. использовали в качестве самоназвания термин *тапанта*. В то же время 37908 чел. использовали в качестве самоназвания русскоязычный официальный термин «*абазины*» (общая численность абазин, таким образом, была определена в 37942 чел.). Помимо перечисленных, этнографам были известны еще около полутора десятков этнонимов и их вариантов, имевших хождение в качестве самоназваний среди различных групп абазин (*баг*, *баракай*, *биберд*, *джантемир*, *дударук*, *кизилбек*, *клыч*, *кяч*, *лоу*, *мысылбай-башилбай*, *там*, *чегрей*, *тланланта*, *цхъарауа* и др.), которые не были включены в алфавитный перечень самоназваний, поскольку ожидалось, что люди не будут использовать обозначения локальных и племенных подразделений в официальной ситуации переписного опроса. Судя по тому, что даже наименование основной диалектной группы – *тапанта*, было использовано в

качестве самоназвания всего только в двух случаях, так и произошло: подавляющее большинство абазин (99,9%) использовали в качестве ответа на вопрос о национальности официальный этноним. Это распределение ответов свидетельствует о том, что *паспортизация* и *официальные классификации* превратились в мощные инструменты формирования и упрочения официальных классификационных подразделений, постепенно вытеснявших локальные формы самоидентификации, или существенно суживая области их функционирования.

Однако при том, что магистральной тенденцией при существующих и институализированных государством практик фиксации этнической идентичности было вытеснение локальных неофициальных самоназваний и сокращение сферы их употребления вплоть до их полного исчезновения, существовали механизмы и практики, противодействующие этому преобладающему направлению изменений, в том числе и государственные. Дело в том, что принципы, положенные в основу отбора и «сортировки» этнонимов на официальные и неофициальные, не так строги и однозначны, как может показаться стороннему наблюдателю. Часто этот выбор основан на исторической случайности. В результате перечни «национальностей» (то есть основных, или официальных наименований категорий населения, выделяемых на основе этнической идентификации) менялись не только от переписи к переписи, но оказывались различными у разных министерств и ведомств. Например, в данных о национальном составе КПСС на 1 января 1989 г. в перечне фигурировали *тавлины, кистины, бессарабы*¹². Ни одно из этих самоназваний не являлось официальным с точки зрения Госкомстата и используемого в переписи 1989 г. списка национальностей: *тавлинами*¹³ (*тавлиницами, таулу*) называли жителей Северного Кавказа (от тюркского *таулу* – горец) – карачаевцев, балкарцев, осетинов, ингушей, чеченцев, аварцев, даргинцев, лакцев; *кистины* (*кистинцы, кисты*) – термин, используемый для обозначения подгруппы ингушей, или историческое наименование предков ингушей и чеченцев; *бессарабы* – старое обозначение молдаван. Аналогичным образом, в списке «культурно отсталых национальностей» Наркомпроса, используемом в начале 1930-х гг. для бронирования мест в учебных заведениях, фигурировали такие этнонимы как *баксан, гиляк, гольд, камчадал, карагас, лопарь, ламут, манегр, оярот, самагир, сойот, таранчи, тавгиец, юрак, шапсуг* и *чудь*¹⁴. Большая их часть в переписи 1937 г. уже не фигурировала в качестве официальных, а первый из них, обозначающий одну из племенных общностей балкарцев, вообще никогда не выступал как официальный. Несовпадение перечней, использовавшихся в официальных документах правительственных министерств и ведомств давало шансы отдельным группам на «возрождение» и конституирование в качестве отдельных «национальностей» и «народов», как это произошло, например, с сойотами и шапсугами в переписи 2002 г.

¹² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 229.

¹³ Последний раз в словарях национальностей, используемых для кодировки и публикации результатов переписи этот термин использовался в 1926 г.

¹⁴ Цит. по: . Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 167 (Table 21).

К числу механизмов сохранения официально не признаваемых групп можно отнести и религию, в тех случаях, когда она выделяет членов данной группы из числа «соплеменников», сходных в языковом и культурном отношении. Примерами недавних случаев такого выделения стали *кряшены*, которые прежде считались подразделением татар, но с конца 1980-х гг. стали претендовать на статус самостоятельного народа. Аналогичную эволюцию проделали *езиды*, прежде относимые к курдам. Напротив, *меннониты*, неоднократно на протяжении их истории претендовавшие на статус отдельного народа, используя благоприятные возможности для эмиграции в Германию в качестве *Volksdeutsche*, перестали противопоставлять себя другим группам российских немцев.

Несовпадение классификационной сетки этнических идентичностей, признаваемых и поддерживаемых государством, – с *этноклассификациями* бытующими у обывателей, профессионального дискурса и его системы категоризаций – с *массовым дискурсом* и создаваемыми в его рамках более простыми, но часто окрашенными в ксенофобные и расистские тона различиями («черные», «кавказцы», «азиаты», «националы» и т.п.), порождает известные коллизии в конкретных ситуациях социального взаимодействия и влияет на идентификационные стратегии индивидов и групп (политику идентичности).

Часто успех или неуспех укоренения того или иного официального классификационного различия зависит от значения, которое придается этому различию государством и самим населением. Безразличие или неизвестность населения с научными классификациями иногда становилось существенным препятствием на пути институализации конкретного различия. Примером может служить классификация финно-угорских языков, в соответствии с которой у мордвы выделяются два самостоятельных языка – *мокша-мордовский (мокшанский)* и *эрзя-мордовский (эрзянский)*. Языки эти действительно весьма существенно различаются, и правительству республики Мордовия необходимо знать численность их носителей для планирования образования (подготовка учителей, учебников, открытие специализированных классов обучения родному языку и т.п.). Данные последней переписи, как и предыдущих, помогают справиться с этой задачей лишь отчасти, поскольку многие из ответивших назвали в качестве родного языка *мордовский*. Такого языка не было в перечне, подготовленном для кодировки ответов в переписи 2002 г. Не было его и в лингвистических словарях и энциклопедиях. Работникам Госкомстата пришлось ввести его дополнительно для подсчета тех людей, которые знали один из мордовских языков, но либо не знали каким именно они пользуются (это характерно для мордвы, проживающей за пределами республики, а она составляет более 60% от ее общей численности в пределах РФ), либо не посчитали необходимым уточнять, каким из двух мордовских языков они владеют, либо, наконец, считали, что существует только один мордовский язык. Тем не менее, научные классификации и академический дискурс можно считать важными инструментами институализации этнических различий, оказывающими существенное влияние на процессы этнической идентификации и политику идентичности как на групповом, так и на индивидуальном уровнях.

Рассмотрение таких механизмов категоризации населения и приписывания этничности (создания сообществ членства на основе классификаций языков и культурных признаков) как академические классификации, паспортизация и переписи позволяет лучше понять, как на основе такой практики как индивидуальное приписывание этнической идентичности (единственной, фиксированной и неизменяемой) происходила территориализация этничности и районирование всей территории страны на ареалы с преобладанием населения одной национальности (административные и суверенные образования). Отчасти эта тема была уже рассмотрена выше, в разделе «*Территориализация этничности и переписи населения*». Сейчас уместно рассмотреть ее связь с еще одним механизмом производства этнической реальности, пожалуй, наиболее известным и хорошо описанным – т.н. *этнофедерализмом*.

Этнофедерализм и коренизация как инструменты этнонациональной политики. Этнотерриториальный федерализм как особенность административно-политического устройства СССР становился объектом анализа в столь большом числе научных исследований, что нет особой необходимости еще раз подробно рассматривать его роль во взаимодействии государства с мультикультурным населением. В этом разделе я приведу лишь краткую историческую справку с хронологией возникновения этнотерриториальных образований, которая позволяет представить временные рамки процесса территориализации этничности и политизации определяемых на ее основе границ расселения различных национальностей. Будет рассмотрен также следующий (скорее логически, нежели хронологически, поскольку, начиная с 1923 г. оба процесса разворачивались одновременно) этап нациестроительства – т.н. *коренизация* республиканских кадров. Роль этих институтов в производстве и воспроизводстве этнической реальности в его советском и наследовавшем ему российском институциональном укладе для части национальностей столь же высока и значима, как и приписывание индивидов к этническим категориям. Этническая идентичность, помимо средства классификации и разделения населения страны на особые и наделяемые различным правовым статусом категории, служила также средством классификации и структурирования административно-политического пространства. Именно в силу этого обстоятельства невозможно при описании институтов производства и поддержания этнической идентичности упустить из виду этнотерриториальное устройство страны и рекрутирование «национальных кадров» для создаваемых режимом «национальных элит».

В отличие от своих политических противников, которые выступали под лозунгом «единой и неделимой России», большевики поддержали национальные движения среди нерусских народов. Уже в самом первом документе, принятом на 2-ом Всероссийском съезде советов 25 октября 1917 г., провозглашалось, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [Ленин, т. 35: 11]. 2 ноября 1917 г. была обнародована «Декларация прав народов России», которая включала следующие положения: а) равенство и суверенность народов России; б) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; в) отмена всех и всяческих нацио-

нальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; г) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Сразу же после нее было опубликовано обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обещавшее мусульманским народам уважение их религии и прав и призывавшее поддержать социалистическую революцию (Декреты... 1957: 40). Иными словами, большевики попытались совместить принципы национального и территориального федерализма, что и явилось впоследствии коренным противоречием советского федерализма, неразрешенным и поныне.

Историкам ясно, что многие принимаемые в то время документы служили средством борьбы с сепаратизмом и использования энергии местных национальных движений в целях упрочения новой власти. Пропагандистские лозунги этой власти в том, что касалось принципов управления и организации государства, однако, как правило, расходились с политической практикой в этой сфере. Политика «расцвета» (1923-1932), выражаемая в системе аффирмативных действий, направленных на развитие языков и культур титульных национальностей, сменилась во второй половине 1930-х гг. на политику репрессий и централизации. В *Таблице 1* отражена хронология образования автономных областей и автономных республик (в том числе и повышение статуса – перевод области в республику).

В сталинской конституции 1936 г. уже была проведена четкая грань между различными статусами национальных образований: республики, как союзные, так и автономные, рассматривались в качестве форм национальной государственности, обладающие суверенитетом, хотя и номинальным, в то время как автономные области и округа определялись как форма административно-территориального деления, отличающегося от областей только тем, что их аппарат управления был приспособлен к особенностям проживающего в них коренного населения. Представительство в Совете национальностей также отражало неравенство этих статусов: союзные и автономные республики получали по пять мест для своих представителей, а автономные области – только по одному. Формой упомянутого «приспособления» управленческого аппарата к нуждам иноязычного и инокультурного населения стала так называемая *коренизация кадров*.

Коренизацию следует рассматривать как существенный фактор, влиявший (и до известной степени сохраняющий инерцию влияния) на индивидуальную и групповую политику идентичности. Это измерение государственной политики оказалось столь эффективным в силу того, что национальная принадлежность впервые официально и открыто связывалась с системой льгот и привилегий, превращалась в рациональную категорию расчета, учитываемую в индивидуальных и групповых стратегиях адаптации к социальным изменениям. Коренизация превратилась, таким образом, в мощный инструмент конструирования идентичности, консолидации родственных групп (в случае некоторых народов Севера, Сибири и Средней Азии - родоплеменных) вокруг создаваемых новой властью «титульных национальностей». Для того, чтобы лучше понять роль этого института в становлении новых идентичностей, следует несколько подробнее остановиться на его сути и истории.

Таблица 1
Хронология образования автономий (областей и республик)

<i>АССР, АО</i>	<i>Время образования</i>	<i>Примечания</i>
Башкирская АССР	03.1919	—
Татарская АССР	05.1920	—
Карельская АО	06.1920	06.1923 АССР
Калмыцкая АО	11.1920	10.1935 АССР
Марийская АО	11.1920	12.1936 АССР
Удмуртская АО	11.1920	12.1934 АССР
Дагестанская АССР	01.1921	—
Абхазская АССР	03.1921	—
Аджарская АССР	06.1921	—
Коми АО	08.1921	12.1936 АССР
Бурят-Монгольская АО	01.1922	05.1923 АССР > 07.1958 Бурятская АССР
Кабардино-Балкарская АО	01.1922	12.1936 АССР
Карачаево-Черкесская АО	01.1922	—
Якутская АССР	04.1922	—
Юго-Осетинская АО	04.1922	—
Адыгейская АО	06.1922	—
Горно-Алтайская АО	06.1922	—
Чеченская АО	11.1922	12.1936 Чечено-Ингушская АССР
Нахичеванская АО	06.1923	02.1924 АССР
Нагорно-Карабахская АО	07.1923	—
Северо-Осетинская АО	07.1924	12.1936 АССР
Ингушская АО	07.1924	12.1936 Чечено-Ингушская АССР
Горно-Бадахшанская АО	01.1925	—
Чувашская АССР	04.1925	—
Каракалпакская	05.1925	03.1932 АССР
Мордовская АО	01.1930	12.1934 АССР
Хакасская АО	10.1930	—
Еврейская АО	05.1934	—
Чечено-Ингушская АССР	12.1936	—
Тувинская АО	10.1944	10.1961 АССР

Коренизация (индигенизация) была задумана большевиками как средство борьбы с национализмом в качестве политики, символизирующей разрыв с колониальной практикой царского правительства. Она была направлена на создание национальных элит, развитие их языков и культур. Эта политика опиралась на две взаимосвязанных, но различающихся по содержанию идеологии (два различных дискурса) – идеологию деколонизации (борьбу с так называемыми «великодержавным шовинизмом» и «русопятством») и идеологию борьбы с «отсталостью» (т.н. «культурной отсталостью народов Востока»).

В.И. Ленин еще до революции отказался от идеи «слияния отдельных наций в одно целое», поскольку она была непопулярной среди нерусских народов. Эсеровская идея федерализации, принятая под давлением обстоятельств большевиками, предполагала организацию союза народов, равных в политическом и культурном отношении. Такому равенству мешали, однако, резкие диспропорции между уровнями экономического развития различных регионов, с одной стороны, и значительные различия между уровнями грамотности у так называемых «западных» и «восточных» национальностей, с другой. Теория отсталости была тесно связана с марксистской идеологией социальной эволюции и развития: большевики полагали, что существует единый путь развития для всех народов, а те, в свою очередь, оказались, в силу исторических обстоятельств, на разных отрезках этого пути, поэтому «отставшие» нуждались в помощи со стороны «развитых». Критерии отсталости и развитости оказались связанными со своеобразной версией ориентализма, в которой отсталыми стали т.н. «народы Востока». Впрочем, сама граница между «восточными» и «западными» национальностями была произвольной, ситуативной, и многократно оспаривалась со стороны «объектов» этого классификационного режима, причем с неожиданной стороны: представители элит отдельных народов хотели, чтобы их народы считались более отсталыми. Причиной такого «соревнования» за большую степень отсталости была борьба за государственные дотации – так называемый «культурный фонд», созданный специально для помощи республикам и автономным областям. В итоге, после длительной борьбы граница между «западными» и «восточными» национальностями была определена на основе доли грамотных среди различных национальностей (*Таблица 2*), но один этот критерий оказался недостаточным в качестве основы для такой классификации, и в отдельных случаях грузин и армян относили к группе «восточных национальностей», указывая на распространенность среди них «феодалных обычаев».

«Восточные национальности» эффективно использовали риторику дискурса борьбы с отсталостью для привлечения дополнительных ассигнований из центра. В связи с рассматриваемой здесь темой важно отметить, что этническая идентичность здесь использовалась инструментально и, одновременно, оформлялась и видоизменялась под действием практических соображений и экономических нужд. В некоторых случаях можно прямо утверждать, что коренизация была не просто инструментом в борьбе титульных элит за ресурсы, но и инструментом создания не только самих национальных элит, но и наций в целом. Например, созданные из конгломерата племен узбеки, полу-

чали дополнительный и существенный стимул быть именно узбеками (а не кыпчаками, или чагатаями) из-за проводимой центром политики узбекизации управленческого аппарата.

Таблица 2
Уровень грамотности по национальностям, 1926*

<i>Западные национальности (%)</i>		<i>Восточные национальности (%)</i>			
латыши	78,1	татары	33,6	ингуши	9,1
эстонцы	72,4	чуваши	32,2	азербайджанцы	8,1
евреи	72,3	марийцы	26,6	аджарцы	7,8
литовцы	70,5	удмурты	25,6	казахи	7,1
немцы	61,2	башкиры	24,3	кабардинцы	6,8
поляки	53,8	буряты	23,2	балкарцы	5,3
русские	45,0	мордва	22,9	киргизы	4,6
украинцы	41,3	осетины	21,2	узбеки	3,8
грузины	39,5	черкесы	16,9	чеченцы	2,9
белорусы	37,3	абхазы	11,3	туркмены	2,3
армяне	34,0	калмыки	10,9	таджики	2,2
		карачаевцы	9,2	каракалпаки	1,3

Изначально целью коренизации был перевод части делопроизводства на местные языки для обслуживания нерусского населения, однако такой перевод требовал наличия грамотных управленцев из среды местного населения, либо изучения местного языка русскими, занимавшими управленческие должности. И то и другое требовало времени и значительных финансовых ресурсов. В итоге первый этап коренизации стал развиваться со значительными отклонениями от исходного плана: вместо программ обучения местным языкам и курсов повышения квалификации для местных кадров практиковалось механическое замещение русских служащих малоквалифицированными и плохо обученными «националами». Этот этап получил наименование «механической коренизации». Он продолжался более трех лет – с 1923 по 1926 гг. Если до реализации этой политики национальность оставалась частным делом (напомним, что для значительной части населения эта категория вообще не была известна, а навязывание этнической идентичности в ходе паспортизации началось позднее), то с ее началом этничность превращалась в индивидуальный ресурс и стала важным фактором в жизненных стратегиях большого числа людей.

Механическая коренизация приводила, однако, к недовольству со стороны увольняемых «нетитульной» национальности и порождала этнические конфликты. Для партийной власти она также начинала приобретать негативный характер, поскольку неквалифицированные представители коренной элиты, занимавшие управленческие места, часто оказывались под влиянием ква-

* Национальная политика ВКП (б) в цифрах. М., 1930. С. 271-272.

лифицированных беспартийных специалистов, так что управление на деле осуществлялось не коммунистами «коренной национальности», а беспартийными «спецами». Это было в особенности типично для Узбекистана, где уровень грамотности среди представителей коренного населения был крайне низким¹⁵. Дополнительным источником беспокойства для партийных чиновников стало появление в республиках национальных фракций внутри партии и их соперничество. Приходило и осознание факта, что коренизация становится источником этнической напряженности, конфликтов и питает национализм.

В мае 1926 г. И.В. Сталин заместил Секретаря крайкома в Казахстане К.С. Ходжанова Ф.И. Голощекиным, который тут же приступил к разработке новой политики, получившей наименование «функциональной коренизации». Квотное представительство титульных национальностей в органах управления было заменено номенклатурными списками с указанием конкретных должностей, которые считались ключевыми для перевода делопроизводства на казахский язык и обслуживания местного населения; критерием отбора на должность была объявлена языковая компетенция, а не этническая принадлежность, что теоретически позволяла занимать номенклатурные должности и неказахам; практиканство (принятие местных кадров на длительное время и полную зарплату в качестве помощников специалистам) было заменено специализированными краткосрочными курсами; вместо местной комиссии по коренизации руководство этой деятельностью было передано Рабкрину. Реформа Голощекина была лично одобрена Сталиным и довольно быстро, в течение двух лет (1926-27 гг.), была распространена на другие «восточные» республики.

Языковая и образовательная политика как механизмы воспроизводства этнической идентичности. Темпы и размах коренизации, однако, существенно ограничивался уровнем грамотности коренного населения. В этой связи понятно внимание, уделяемое в 1920-30-е гг. программам борьбы с неграмотностью, алфавитизации бесписьменных¹⁶ и адаптации алфавитов младописьменных языков, обучению на местных языках и образованию для представителей титульных национальностей, в особенности «отсталых» (ср. Табл. 3). Все эти программы, увязывая этническую идентичность с жизненными стратегиями населения, превращали ее, наряду с сословно-классовой, в ведущую не только в области взаимодействия государства с населением, но и в более приватной сфере жизнеобеспечения (личная карьера, поиск средств существования и т.п.).

В сфере политики образования Наркомпрос¹⁷ установил специальные квоты (особенно характерные для периода с 1924 по 1932 гг., но в ряде случаев действовавшие вплоть до 1991 г., а в отношении народов из категории «ма-

¹⁵ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 141-142.

¹⁶ Помимо алфавитизации и реалфавитизации языков «титульных национальностей» в период 1920-30-х гг. было создано около 30 алфавитов для бесписьменных языков малочисленных народов.

¹⁷ Уже в октябре 1918 г. в Наркомпросе был создан специальный отдел школ с обучением на языках национальных меньшинств (Декрет о школах национальных меньшинств от 31.10.1918 // Народное образование в СССР, 1917-1973. Сб. документов. М.: Педагогика, 1973. С. 145).

Таблица 3

Хронология алфавитизации и перевода письменности на латиницу и кириллицу государственных и титульных языков РФ

<i>Язык</i>	<i>Создание первого алфавита</i>	<i>Создание алфавита на основе кириллицы</i>	<i>Введение алфавита на основе латиницы</i>	<i>Повторное введение алфавита на основе кириллицы</i>
Аварский	XIV в. арабское письмо; XVIII в. адаптация арабики для передачи звуков аджарского (ад-жам); использовалось до 1928 г.	1865 (автор – П.К. Услар)	1928	1938
Адыгейский	1918 арабское письмо	-	1937	1938
Алтайский	1830-е гг.	1830-е гг.	1931	1938 (уточнен в 1944)
Башкирский	XIV в. арабское письмо; 1919 модернизация алфавита для приближения к фонетической системе башкирского	-	1928	1940
Бурятский	XIII в. старописьменное монгольское письмо	-	1931	1939
Даргинский	1917 г. арабское письмо (первая запись датируется 1493 г.)	-	1928	1938
Ингушский	1920 латиница (автор З.К. Мальсагов)	-		1938
Кабардинский	1916 г. на арабской основе	1829 г. (автор И Грацилевский); повторно 1865 (автор Кази Атажукин)	1923	1936

Калмыцкий	До середины XVII в. уйгуро-монгольское письмо; в 1648 г. модернизированный алфавит (автор Зая-Пандит)	1924	1930	1938
Карачаево-балкарский	1880-е гг. (С.-А. Урусбиев; И. Хубиев на основе русской графики; и. Теберличи – на основе латиницы); 1905 – на основе арабской графики	1924-25 гг. (балкарский алфавит)	1920-24 гг. (карачаевский алфавит У.Д.Алиева); 1926 – единый карачаево-балкарский алфавит	1937-38 гг.
Карельский	1921-37 гг. (школьное обучение на основе финского языка)		1987	1937
Коми (коми-зырянский)	XIV в. (Стефан Пермский на основе греческого и славянского письма); XVIII в. новый алфавит на основе славяно-русской графики	1920-30-е гг. (алфавит В.А.Молодцова)	1932-35	1936-1938 (алфавит В.А. Молодцова); 1939 – новый алфавит
Коми-пермяцкий		1920-е гг. (алфавит В.А.Молодцова)	1937	1938
Кумыкский	Начало XVI в. на основе арабской графики; 1920-28 (реформированный арабский алфавит – «новый алджам»)»		1928	1938
Лакский	XIV - XV вв. на основе арабской графики		1928	1938
Лезгинский	VII - VIII вв. древнеабхазский алфавит; IX - XX вв. на основе арабской графики		1928	1938
Марийский (горный и лугово-восточный)	1555 (архиепископ Гурий на основе кириллицы); 1907-13 гг. реформированный алфавит на основе кириллицы		1930-32 г.	1938

Мордовские (эрзянский и мокшанский)	XVIII в.			
Ногайский	VI-VII вв. (на греческой основе); XVIII в. на основе грузинской графики и кириллицы	1928	1938 (усовершенствован в 1944 и 1950 гг.)	
Осетинский	Начало X в. на основе кириллицы	1923	1938 (в Южной Осетии 1938-1954 на основе грузинской графики)	
Русский	X в. устав; XIV в. полуустав; 1708 г. гражданский шрифт		1918 г. реформированный алфавит	
Табасаранский	1932 на основе латиницы		1938	
Татарский	VII-X вв. руническое письмо; XI-XV вв. на основе арабской графики	1927	1939 (1999 закон РТ о восстановлении латинской графики)	
Тувинский	Старописьменный монгольский до 1930 г.	1930	1941	
Удмуртский	1889 на основе кириллицы			
Хакасский	1924 на основе кириллицы	1929	1939	
Чеченский	До 1925 г. попытки создания алфавита на арабской основе	1925	1938	
Чувашский	Вторая половина XVIII в. на основе русской графики			
Якутский	X-XI вв. орхонское руническое письмо	1921-29 гг. алфавит С. - Новгородова на основе латиницы; 1929 усовершенствованный общетюркский алфавит	1921-29 гг. алфавит С. - Новгородова на основе латиницы; 1929 усовершенствованный общетюркский алфавит	

лочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» продолжающих действовать и сегодня). В начальный период их действия в вузах Средней Азии под «бронью» находилось до 70% студенческих мест для представителей « титульных национальностей»; до 20% - для представителей « национальных меньшинств» и только 10% - для так называемых «европейцев»¹⁸. В 1928-29 гг. бронированием Наркомпроса для национальных меньшинств охватывалось около тысячи мест в высших учебных заведениях страны¹⁹. В педагогических техникумах страны на этот же период больше 45% мест было занято студентами из числа «отсталых национальностей»²⁰.

Критика «перегибов» в кампании латинизации алфавитов со стороны ЦК в 1936 г. положила начало обратному процессу перевода алфавитов на русскую графику. Если латинизация символически обозначала разрыв с «шовинистической политикой царизма», то возвращение к кириллице было обосновано экономической необходимостью: «национальные кадры» должны были иметь возможность полноценно функционировать в рамках общенациональной экономики. Декрет СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей» был направлен на переход к двуязычному образованию, и, как показывают результаты анализа массовых статистических материалов, вовсе не означал возврата к политике русификации²¹. Через два года после опубликования декрета, в 1940 г., начальное образование на родных языках (1-4 классы) было обеспечено для всех нерусских народов, а исключением нескольких крайне малочисленных групп в Сибири. В то же время на следующей ступени (5-7 классы средней школы) в качестве языков обучения уже использовалось лишь 11 языков (остальные преподавались как предмет), а в старших классах – лишь только два языка, помимо русского²². Реальным поворотом к утрате двуязычия и постепенному переходу к обучению на русском стал закон об образовании 1959 г. с его положением о добровольном выборе языка обучения для детей их родителями, результатом чего стало массовое введение русского в качестве языка обучения. Статистика изменения численности обучающихся на языках меньшинств и числа соответствующих школ в этот период, однако, не подтверждает гипотезы о направленной политике русификации или централизации. По мнению создателей базы данных, проанализировавших весь информационный массив для проверки трех гипотез (русификации, равенства языков и влияния политического статуса соответствующих национально-административных образований), подтвержденной фактически оказалась лишь третья гипотеза, в соответствии с которой государственная языковая политика периода 1934-1980 гг. может быть лучше всего описана как политика направленная на

¹⁸ Правда Востока, № 232 от 7 октября 1932 г.

¹⁹ *Диманштейн С.* О практическом проведении национальной политики в области народного просвещения в СССР // Народное просвещение. 1929, № 5. С. 46.

²⁰ Там же, с. 45.

²¹ *Anderson B.B., Silver B.D.* Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934-1980 // *The American Political Science Review.* – 1984. – Vol. 78, # 4. – pp. 1019-1039.

²² *Bilinsky Y.* Education of the Non-Russian Peoples in the USSR, 1917-67 // *Slavic Review.* 1968. Vol.27. – pp. 411-437.

двуязычие меньшинств. При этом региональные различия лучше всего объясняются влияниями численности группы носителей языка, степенью их географической компактности и различиями в административно-политическом статусе (республика, автономная область, округ, национальный район)²³.

Выводы: новый институционализм и теории этничности. Приведенный выше очерк развития институтов и практик, производящих и поддерживающих этническую идентичность был призван охарактеризовать механизмы порождения и насаждения этничности, становящейся частью социальной реальности и образом мышления. Трудность осознания известного рода 'искусственности' этнической идентичности ('искусственности' не в смысле «изобретения», но в смысле продукта человеческой деятельности, своеобразной 'произведенности') обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что *созданные новыми институтами субъекты социальной деятельности уже с трудом мыслят самих себя в отрыве от этих институтов*, а сами социальные институты и практики рассматривают, скорее, как *неизменную природу*, нежели как *продукт* усилий нескольких предшествующих поколений.

Исторический очерк производства этничности был полемически нацелен, прежде всего, на критику именно такого пассивно-отражательного и реифицирующего взгляда на социальную реальность. Несмотря на то, что примордиализм сравнивался таким известным исследователем национализма как Роджерс Брубейкер с «на смерть забитой лошадей, которую не нужно хлестать, поскольку она давно умерла»²⁴, в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства. Дополнительным фактором устойчивости примордиализма остается национализм этнических элит и этнократических режимов в некоторых республиках. Несмотря на все эти обстоятельства, можно определенно утверждать, что примордиализм как концепция уже стала фактом истории науки, а не ее работающей и используемой моделью. Представленное выше описание совокупности институтов и практик как механизмов порождения и повседневного воспроизводства этничности (далеко не полное, поскольку в нем не были представлены такие современные и мощные ее механизмы как националистический дискурс в масс-медиа, институционально оформленное поведение государственных и силовых структур в отношении меньшинств и т.п.) позволяет утверждать, что альтернативная концепция с ее этносами-организмами попросту неверна и является лишь частью образного мышления идеологов национализма, хотя и обладает многими чертами научного дискурса. Для тех, кто согласится с критикой примордиалистских воззрений на этничность, очевидной становится и логика современной критики некоторых версий групповых прав и так называемых «прав народов», основанных на натуралистических трактовках этничности.

²³ *Ibid.*, pp. 1034-35.

²⁴ *Brubaker R.* Nationalism Reframed Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – p. 15.

Научное издание

**Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 11
М., 2005**

Издательство «Наследие ММК»

Оригинал-макет: ГЛАВартель

Формат 60x90. Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ №